

УДК 81-114.2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

М. Ю. Рябова

HOLISTIC INTERPRETATION OF TENSE

M. Yu. Ryabova

В статье рассматривается вопрос интерпретации семантики грамматической категории времени английского языка на основе теории холизма как модели смысловой комплексности, характерной для всех форм языковой коммуникации. Категория Tense является паттерном автопоэзиса и результатом актуализации комплексности.

The article deals with the question of semantic interpretation of English tense system in the light of holistic theory as the model of semantic completeness, typical for all forms of language communication. The category of tense is an autopoiesis pattern and a result of actualization of complexity.

Ключевые слова: время, холизм, автопоэзис, комплексность, смысл.

Keywords: tense, holism, autopoiesis, complexity, meaning.

Феноменология

Осмысление времени, попытка дать определение понятию «время», вычленив его из круга смежных и/или близких категорий издавна занимала умы философов и мыслителей.

Традиционно время определялось через движение и изменение; время ассоциировалось как последовательность сменяющих друг друга мгновений «теперь» и «сейчас», связывающих собой промежутики прошлого и будущего. Время, таким образом, мыслилось как некая бесконечная линия, состоящая из последовательной цепочки моментов движущегося «настоящего», плавно перетекающего в периоды «прошлого» по мере наступления «будущего». Истоки данных представлений восходят к учениям Св. Августина и Аристотеля: “If there is no perception of time without the perception of movement, there is no possible existence of time itself without that of movement... It is evident then, that time is neither movement nor independent of movement” (если невозможно восприятие времени без восприятия движения, то невозможно и само существование времени без существования движения. Очевидно, что время не есть движение, но время зависит от движения (пер. автора) [1, с. 315].

Время как символ длительности и мера всякого движения традиционно имело двойственную семантику, обнаруживаемую в греческом различении терминов *chrónos* и *kairós* (вечность и время); или в латинском – *aeternitas* и *tempus* (вечность и время); соответственно, в английском – *eternity* и *time*, во французском – *éternité* и *temps*. Так, например, различие *chrónos* и *kairós* обосновывает практику предсказаний, основывающуюся на знании текущих признаков ненастоящего, в том числе и будущего.

Время – часть сознания человека, но время не зависит от его мировосприятия и осознания: “We do not produce time, but it surrounds us, envelops us, and overpowers us with awesome strength” (мы не производим время, но оно вокруг нас, оно обнимает нас, оно сжимает нас со страшной силой) [13, с. 17]. Время – это прошлое наших воспоминаний и будущее наших ожиданий, связанных воедино настоящим наших ощущений и мыслей.

Одним из важнейших компонентов концепта времени является его соотносительность с осознанием точки и/или момента «сейчас» (*now*), цепь которых и образует, по-видимому, линию времени. Как определить сущность феномена «сейчас». По Э. Гуссерлю, феномен «сейчас» неразрывно связан с определенным типом интенциональности, которая направлена в сторону мгновенно прошедшего. Настоящее, ассоциированное с моментом «теперь», включает понятие так называемого «расширенного» настоящего, складываемого из настоящего уходящего в прошлое и настоящего приближающегося будущего, распадаясь при этом на комплексы отдельных моментов «теперь», которые и есть сущность самого времени [3, с. 81], или “the big now” (большого настоящего). Время осознается как протяженность постоянно расширяющихся точек настоящего, убегающих в прошлое. В этом плане представляет интерес интерпретация смысла наречия “still” (еще), который, по мнению П. Рикера, может заключаться в следующем: “its use expresses in its own way the adhering of the “just past” to consciousness of the present” (его употребление по своему обозначает присоединение только что истекшего к восприятию настоящего) [13, с. 31].

Если феноменология настоящего по большому счету строится на осознании и восприятии моментов «теперь», то феноменология прошедшего времени представляет собой прежде всего само осознание сохранения или памяти (в основе которой лежат образы впечатлений, воспоминаний, символы неких моментов «теперь», их моментальные снимки).

Прошлое может варьироваться осознанием и восприятием как прошлое, связанное с настоящим (Present Perfect tense forms), прошлое, отдаленное от него настолько, что эта связь более утрачивает актуальность (Past Simple tense forms). Прошлое, связанное с настоящим, можно представить с помощью модели перехода между “was” (было) и “is no longer” (уже нет сейчас). Вероятно, в системе грамматических форм времени английского языка данная временная модель воплощается в системе форм перфекта настоящего времени (Present perfect); концептуальная сущность формы может быть передана

сравнением с хвостом кометы, тело которой и есть настоящее [13, с. 31]. Прошлое, утратившее связь с настоящим, будет репрезентироваться формами простого прошедшего (Past Simple), что соответствует образам наших воспоминаний, следы которых испарились в настоящем (“all our memories that no longer have a foothold in the present”).

Линия времени как пространственная координата распадается на отдельные серии, которые соответствующим образом локализуются в виде прошлого, настоящего и будущего. Если прошлое представляется как материализация (актуализация) некоего настоящего опыта, удерживаемого памятью, то будущее будет соответствовать времени, обрамляющему настоящее, как нечто ожидаемое или предвосхищаемое, как предчувствие некоего восприятия [13, с. 37].

Анализ

Время можно осознать на трех уровнях анализа: 1) как объективное время, 2) как объективируемое время временных объектов (tempo-objects), 3) как имманентное время. Имманентным можно считать время, постигаемое и воспринимаемое с помощью интуиции: “If we take away from our inner intuition the peculiar condition of our sensibility, the concept of time likewise vanishes” (если убрать из интуиции нашу особую чувствительность, то смысл времени исчезает) [13, с. 47]. Время не есть неотъемлемое свойство предметов и объектов, время – свойство познающего или воспринимающего субъекта, часть его интуиции. Таким образом, время категория антропологическая и включена в сферу материальной культуры.

С другой стороны, нельзя воспринимать время само по себе, скорее, мы воспринимаем те или иные объекты, существующие во времени (tempo-objects). Существование объектов во времени может быть представлено моделью философии языка, в которой время концептуализируется через пространство, связывая между собой и фиксируя это в разнообразных языковых выражениях, ср.: to be behind time (to be late - опаздывать),

to be on time (to be punctual – быть вовремя),

to be in time for something (to come at the right time to do or get it – успеть что-либо сделать),

from time to time (sometimes – время от времени, иногда),

behind the times (out of date - устареть);

behind time (не вовремя, не аккуратно, с опозданием);

between times (в промежутках, время от времени);

before one's time (до кого-либо, до чьего-либо рождения, появления, приезда)

be in good time (to be early, have time to spare – прийти заранее),

in time (after a certain expected length of time has passed – через какое-то время),

in times gone by (in the past – в прошлом),

it's about time (said about something that should have happened earlier, but which was delayed – пора, подходит время),

to pass the time of day with someone (to exchange greetings with someone – провести время с кем-то), др. [10].

Семантический анализ структур данных выражений позволяет обнаружить наличие пространственных предлогов и наречий, входящих в их состав (in, on, behind, about, from, before, after, etc.). Таким образом, можно видеть, что язык закрепил модель восприятия времени через пространство, которое мыслилось как некое вместилище времени.

Известно что, объективное время характеризуется тремя основными признаками: длительность, последовательность и одновременность. Дополнительный признак или свойство времени – постоянство, которое может быть измерено и осмысленно посредством идеи порядка, или упорядоченности. Таким образом, временные отношения, ассоциируемые с процессом восприятия времени, могут быть представлены следующими категориями: количество времени (определяющее число или множество существования, маркируемая в языке, как правило, лексическими средствами – наречиями, прилагательными, существительными, предлогами и др.), порядок или упорядоченность сменяющих друг друга фаз событий – их последовательность и одновременность (маркируемая средствами лингвистической категории таксиса).

Автопоэзис

В современной когнитивной семантике категория времени может быть осмыслена в аспекте автопоэзиса, т. е. с точки зрения теории самореференции и двойной контингентности. Данная трактовка была предложена немецким социологом Никласом Луманом в его теории систем в парадигме «часть – целое», известной как холистическая методология, сформулированная чилийским нейробиологом У. Матураной и Ф. Варелой в 70-е годы.

Слово “автопоэзис” («аутопойесис», «аутопоэз» (autopoiesis)) происходит от греческих слов autos – само и poiein – построение или произведение. Выбор греческого слова позволяет придать термину свойство оператора, действующего на смысловое поле и обладающего спектром собственных значений. Несмотря на изначальную биологическую направленность теории автопоэзиса, она имеет перспективную междисциплинарную методологию. Эти подходы находят свое применение в концепциях трансперсональной психологии, исследовании социальных процессов, теории искусственного интеллекта, развитии новых информационных технологий. Идеи У. Матураны и Ф. Варелы получили широкое распространение в мировом научном сообществе. Автопоэтическая теория входит в более общую исследовательскую программу, такую как когнитивная наука, которая осуществляет междисциплинарный синтез исследований в области нейролингвистики, искусственного интеллекта, когнитивной психологии, нейробиологии и эпистемологии. Среди авторов, работающих в этой области знания и развивающих ее современную фазу - задействие (enaction), можно назвать таких ученых, как Ф. Варела, Т. Виноград, Дж. Лакофф и др.

Основным понятием теории автопоэзиса является целостность (или холизм). Структуру сложной целостности, статической или динамической, создают реальные элементы или реальные отношения этой целостности как связи между ее физическими компонентами. Структура определенного сложного образования заключается в самом способе ее производства как целостности. Другими словами, структура системы представляет собой физическое воплощение ее организации. Поскольку У. Матурана и Ф. Варела подчеркивают, что организация системы не зависит от свойств ее компонентов, то данная организация может быть осуществлена различными способами, т. е. при помощи различных компонентов. Матурана и Варела считают автопоэзис паттерном организации, общим для всех живых систем независимо от природы самих этих компонентов. При этом автопоэтическая система определяется как сеть процессов производства компонент, создающих саму эту сеть, результатом функционирования которой является ее автопоэтическая организация или паттерн как инвариант. Матурана и Варела выделили способность к самопроизводству и устойчивому развитию в своей среде обитания в качестве наиболее характерных свойств живых систем. В соответствии с этим ими был развит принцип операциональной замкнутости как один из основных принципов автопоэзиса. Операциональная замкнутость не подразумевает закрытость, т. к. речь идет об автономности особого рода, допускающей одновременно как взаимодействие системы с внешним миром, так и непрерывное саморазвитие. Несмотря на то, что живые организмы непрерывно контактируют с окружающей средой, они остаются относительно устойчивыми по отношению к ее воздействиям. Не что заставляет систему оставаться операционально замкнутой, т. е. поддерживать неизменными основные циклы жизнедеятельности и воспроизводить саму себя [7].

У. Матурана рассматривает феномен языка и языкового поведения как расширение когнитивной области наблюдателя. Матурана приходит к автопоэтическому объяснению феномена языка как результату совместного онтогенеза живых систем. При этом такие традиционно связываемые с языком понятия, как "перенос информации", "символизирование", "денотация", "значение" имеют смысл только для рефлексии о языке, т. е. при размышлении внешнего наблюдателя о том, что происходит в языковом поведении. Быть человеком – значит существовать в языке, поэтому языковое поведение описывается как поведение, которое является частью и результатом нашего поведения в качестве живых систем: «Мы движемся в нашем онтогенетическом и филогенетическом дрейфе как действующие в языке люди в структурном сопряжении в нашей области существования. Язык поэтому возникает в жизненной практике наблюдателя и генерирует в свою очередь снова жизненную практику наблюдателя» [6]. Матурана и Варела видят смысл языкового поведения в том, что оно представляет способ сосуществования живых систем. Самосознание и самость суще-

ствуют только в языке, а так как язык является социальным феноменом, то и самосознание является также социальным феноменом [7].

По мнению Ф. Варелы, в когнитивной интерпретации определяющим является утверждение об объективном существовании внешнего мира. Однако, открывая вновь «здоровое человеческое понимание», мы обнаруживаем себя в нашем обыденном сознании активными, творческими участниками всех процессов окружающей нас реальности. Наше сознание не обрабатывает полученную извне информацию и не разрешает внешне заданные проблемные ситуации. Все эти модели когнитивных процессов являются лишь результатом деятельности наблюдателя, т. е. живой самореферентной системы, упрощающей сложность мира в акте восприятия, порождающей этот мир и самого наблюдателя. Процесс порождения в действии, или задействие (enact), может быть понят только в его циклическом, самопорождающем представлении. Именно эту «тотальную циркулярность» Варела обозначает термином «задействие» или «порождение» (enaction). Объект и субъект возникают одновременно, порождая и обуславливая друг друга. Мы не можем не принимать во внимание наше обыденное знание, которое, как это показала феноменология, неотделимо от нашей телесности, языка и социальной истории, а эта установка не совместима с фундаментальным естественнонаучным предположением, укоренившемся в западной культуре, будто мир, каким мы его воспринимаем, не зависит от воспринимающего его субъекта [7].

Центральной концепцией Матураны и Варелы является автопоэзис. Формальное определение концепции сводится к следующему: «Автопоэтическая система организована как сеть процессов производства (трансформации и разрушения), состоящая из компонентов, производящих компоненты: 1) которые взаимодействуя и изменяясь, регенерируют и реализуют сеть процессов (отношений), производящих их и 2) конституирующие его (машину) как некоторое единство в пространстве, в котором они [компоненты] существуют, задавая топологическую область своих реализаций как такой сети» [14, р. 13]. Любое единство, отвечающее данным условиям, является автопоэтической системой, и любая автопоэтическая система, реализованная в физическом пространстве, является живой системой. Особая конфигурация данного единства – его структура – не является достаточным условием для определения его как единства. Ключевой особенностью живой системы является поддержка своей организации, то есть сохранение сети отношений, которая определяет её как системное единство [2]. Иначе говоря, «автопоэтические системы действуют как гомеостатические системы, для которых их организация является основным критическим фактором, который они активно поддерживают постоянным» [11, р. 318].

Работы Матураны являются ключевым источником представлений о лингвистических взаимодействиях автопоэтической теории. Исходя из

принципов структурного детерминизма и структурного сопряжения, он разрабатывает модель осуществления языка как деятельности, в которой, участники направляют друг друга относительно самих себя и некоего предмета. Мартурана представляет интерперсональную коммуникацию, как «передачу по трубам» информации между участниками разговора. Данная точка зрения предполагает, что информация является квантовым товаром. Дж. Лакофф и М. Джонсон называют эту точку зрения на коммуникацию «метафорой трубопровода» [9]. Коммуникация сравнивается с видом коммерции, как [12] взаимодействием, при котором получатель принимает состояние, определённое состоянием отправителя, переданное через сообщение. Данная точка зрения на язык основывается на «денотативной системе символических коммуникаций, состоящей из слов, которые обозначают сущности без области, в которой эти сущности могут существовать» [2].

Для Матураны главной функцией лингвистического взаимодействия является не доставка «информационных квантов», но взаимная ориентация разговаривающих внутри согласованной области, осуществляемой благодаря их взаимодействию. Коммуникация становится способом взаимной ориентации: начальной, относительно поведения друг друга, и вторичной, относительно какого-то предмета. С точки зрения когнитивного подхода, такое взаимодействие описывается как семантическое сопряжение – процесс, с помощью которого каждый из наблюдателей рассчитывает соответствующее состояние на основе информации, исходящей от другого. «Понятие информации имеет силу только в дескриптивной области как выражение когнитивной неопределённости наблюдателя» [11, р. 322]. Таким образом, лингвистическое взаимодействие сводится к процедуре структурного сопряжения. «В этом контексте поверхностная синтаксическая структура, или грамматика естественного языка может быть описанием закономерностей в объединении элементов, в согласованном объединении. ... Поверхностный синтаксис может быть любым, потому что его детерминация является зависящей от истории структурного сопряжения. ... Универсальная грамматика, как набор правил общих для всех человеческих языков, может основываться только на универсальности процесса рекурсивного структурного сопряжения» [12, р. 52].

Автопоэтическое видение языка не сводится к кодированию с помощью символов, обеспечивающих процесс взаимодействия коммуникантов. Освобождая взаимодействие от необходимости прибегать к лексической ссылке и следовать должному грамматическому образцу, автопоэтическая модель неявно разрешает все способы невербального означивания. Соединяя лингвистическое взаимодействие со структурным сопряжением, контекст определения значения объединяется с контекстом взаимодействия. Это, в свою очередь, объединяет два смысла контекста: контекст как решающий фактор описания лингвистического значения и контекст как ситуационный фон. Данный факт предоставляет ав-

топоэтической теории основание для обращения с зависимыми от контекста аспектами текущих взаимодействий [2].

Ф. Варела связывает понятие автопоэзиса с организационной закрытостью системы [1]. Такая ситуация в частности проявляется в том случае, когда наблюдатель не в состоянии шагнуть за пределы целостности, чтобы определить ее границы и, соответственно, окружающую среду, однако он всегда связан с функционированием целостности в качестве одной из определяющих ее составных частей. В таких случаях, под которые попадает большинство автономных социальных систем, характерными являются процессы, при которых уже само описание системы изменяет ее. На каждой стадии наблюдатель взаимодействует с системой, осознавая нечто, что приводит к модификации его связей с данной системой. Собственно говоря, это – не что иное, как герменевтический круг актов интерпретации, на котором основывается вся человеческая деятельность [1].

Как и в случае автопоэзиса, организационная закрытость создает единицу целостности, которая специфицирует феноменологическую область. Таким образом, с каждым классом замкнутости ассоциирована определенная область. И всякий раз, когда подобная феноменология обретает определенное многообразие и значимость, соответствующее наименование дается как явлениям, так и типу замкнутости; так происходит в случае автопоэзиса и биологической феноменологии. Другими примерами служат закрытость языковых взаимодействий и феноменология общения. Очевидным является то, что, как только благодаря замкнутости возникает некая единица целостности, она тут же специфицирует область, с которой она может взаимодействовать без потери собственной идентичности. Такая область является областью дескриптивных взаимодействий, соотносящихся с окружающей средой так, как это видится с позиции наблюдателя, т.е. является когнитивной областью для данной единицы целостности. Механизмы индивидуализации (identity) и когнитивная область являются взаимосвязанными понятиями, группирующимися вокруг способа определенной организации путем замкнутости в данной области [1].

Дальнейшее развитие автопоэзиса содержится в работах немецкого ученого Никласа Лумана. С точки зрения Н. Лумана, «аутопойесис – это такая организация, которая является своим “собственным состоянием”, то есть таким производительным взаимодействием компонентов системы, результатом которого становятся именно эти компоненты». Набор явлений автопоэзиса чрезвычайно широк: кирпичный завод выпускает кирпичи, из которых он сам и строится; организм (органы и клетки), произведенный в результате взаимодействия органов и клеток; язык как особая система, позволяющая говорить о языке, то есть о самой себе, и – через язык – решать вопрос о том, что надо говорить, какие слова произносить. Функцией такого удвоения или раздвоения (дифференциации) – всегда является

воспроизводство целостности, порождающей ее элементы [5].

Время и комплексность

Согласно Н. Луману, время является основой необходимости отбора в комплексных системах. Время есть символ того, что если происходит нечто определенное, то всегда совершается и нечто иное, так что ни одна отдельная операция не может когда-либо приобрести полный контроль над своими условиями [5, с. 76]. Время представляет собой результат темпорализации комплексности. Темпорализация комплексности осуществляется посредством темпорализации элементов системы. Система образуется из нестабильных элементов, существующих лишь кратковременно. Стабильная система состоит из нестабильных элементов, ее стабильность кроется в ней самой, а не в ее элементах, в этом смысле время является автопоэтической системой [5, с. 83].

Стратегия фиксации и развертывания своей нестабильности есть стратегия развертывания смысла. Смысл, таким образом, есть текущая актуализация возможностей, которая представляет собой временное измерение, или время. Время для смысловых систем является категорией интерпретации реальности в отношении различия прошлого, настоящего и будущего. Через презентацию времени и его вокабуляра в самореферентно-смысловую организацию социальных систем водится информация, что существуют необратимости и встречная самоотнесенность. При этом метафорика и аналитика времени достаточно открыты и пластичны, чтобы в ходе общественного развития быть в состоянии приспособиться к более высокой комплексности [5, с. 122].

Так, можно наблюдать состояние высокой комплексности в системе метафорических концептов времени, репрезентируемых в английском языке такими выражениями, как:

Time is money (время – это деньги);

Buy time («покупать время», возможность за плату выступить по радио или телевидению);

Do (serve) time (отбывать тюремное заключение, отсидживать срок);

Gain time (выиграть время);

Have a fine time (хорошо провести время, веселиться);

Kill time (убивать время);

Lose time (терять время);

You're wasting my time (ты попусту тратишь мое время);

This gadget will save your hours (это устройство сэкономит тебе много времени);

I don't have the time to give you (у меня нет времени для тебя);

You are running out of time (твое время истекает);

He is living on borrowed time (он живет взаймы);

Thank you for your time (спасибо за потраченное время) и др. [10].

Время, как отмечает Дж. Лакофф, это культурная ценность. Это ограниченный ресурс, который мы используем для достижения своих целей. В за-

падной культуре метафора «время – деньги» выступает во многих формах: как единица оплаты телефонных сообщений, почасовое жалование, плата за гостиничные номера, годовой бюджет, проценты по займам, выполнение общественных обязанностей, измеряемое потраченным на них временем. Данная практика появилась в современном обществе и структурирует повседневную деятельность человека. Поскольку в нашей деятельности мы исходим из представления о времени как о ценности, сопоставимой с ограниченным ресурсом и даже деньгами, то мы и воспринимаем время таким образом. Мы понимаем и ощущаем время как сущность, которая может быть потрачена впустую или с пользой, изложена мудро или бесполезно, как сущность, которую можно сохранить или растратить [4, с. 30].

Время как культурная ценность находит отражение в таких метафорических номинациях английского языка, как:

Time and tide wait for no man (время, приливы и отливы никого не ждут // время не ждет никого), где время концептуализируется как поток, река, уносящая все своим течением;

Time is a great healer (время – великий исцелитель // с течением времени всякое горе забывается, и человек привыкает к новым обстоятельствам), время концептуализируется через признак утешения, облегчения боли, муки, забвения, стирания из памяти;

Time tames the strongest grief (время лучший лекарь), концептуальный признак – утешения, облегчения боли, муки, забвения, стирания из памяти;

Time works wonders (время творит чудеса // время лечит), концептуальный признак – утешения, облегчения боли, муки, забвения, стирания из памяти; время преобразует мир;

All in good time (все в свое время // не следует торопить события и проявлять ненужное нетерпение), концептуализируется признак необратимости времени и покорности перед ним (всему свое время; всякому овощу свое время; придет время, прорастет и семя).

There is no time like the present (никакое время не сравнится с настоящим // все надо делать немедленно, не откладывая на будущее), концептуальный признак, лежащий в основе метафоры – признание наличного существования только настоящего, отрицание прошлого и будущего как эфемерного времени (не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня; куй железо, пока горячо; у завтра нет конца). С точки зрения автопоэтической самореференции события или структуры социальных систем бывают всегда лишь в настоящем, они пронизывают время лишь во временном горизонте настоящего, которое интегрирует настоящее и будущее с настоящим прошлым.

Never put off till tomorrow what you can do today (не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня), концептуальный признак – существует только настоящее. Отрезок времени, в котором происходит становление необратимости изменения, познается как настоящее. Настоящее длится столько же, сколько и становление необратимости.

Time flies (время летит), концептуальный признак – скорость изменения и др. [10].

Время как концепт в культуре английского языка структурируется следующими признаками:

а) пространственными (деменциональными). Время мыслится в координатах: «верх» - time is up; it is high time;

«вокруг», «между», «перед», «за», «в» - about time, between times, in time, on time, behind time, once upon time;

б) движения и скорости: time flies, in jig time, in no time, one's time has come, the time is ripe;

в) количества: ten times, time and again, all the time, at all times, at one time, for the N's time, nine times out of ten, one time and another, times out of number, размера: the big time;

г) жизнь человека: have the time of one's life, live on borrowed time;

д) манипуляции и различные операции, совершаемые в социуме:

Beat somebody's time, bide one's time, buy time, do time, fill in time, gain time, give somebody a hard time, have all the time of the world, kill time, knock somebody out of time, lose time, make a time over somebody, mark time, needle time;

е) ценности: at the best of times, give somebody a hard time, have a fine (big, good, high) time, have a rough time, in good time, lost time is never found, и др.

Выделенные признаки концепта времени группируются по линии трех основных координат – предметное (деменсиальные признаки), временное и социальное. Различимость предметного, временного и социального измерений и масштаб их дифференциации относительно друга друга являются результатом социокультурной эволюции, т. е. меняются вместе с общественной структурой. Соответственно, разъединение данных признаков есть предпосылка семантической комплексности, лежащей в основе двойной контингентности концепта.

Время есть не только мера движения или простая хронология, время есть асимметризация самореференции в отношении порядка актов отбора [5, с. 179], и в языке оно овременивает двойную контингентность коммуникативного действия с самореференциями, в нем протекающими. Время есть смысловое измерение со множеством переменных (например, необратимостью, темпом, скоростью, ограниченностью).

Можно утверждать, что система языка использует масштаб времени для решения проблем собственной смысловой комплексности. Темпорализация смысловой комплексности является приспособлением языка к необратимости во времени (посредством конституирования своих элементов). Темпорализация комплексности ведет к избирательному порядку соединения элементов во временной последовательности. Абстракция структур обеспечивает, а темпорализация элементов требует постоянного изменения модели отношений. Действие не просто остается информацией, событие не остается просто событием. Они изначально ориентированы на присоединение чего-то иного. С хронологической

точки зрения каждый элемент имеет определенную продолжительность во времени, однако длительность, в которой он рассматривается как далее неразложимое единство, определяется самой системой, имеет привнесенный, а не бытийный характер. Стабильная система состоит из нестабильных элементов; ее стабильность кроется в ней самой, и в этом смысле темпорализация является результатом существующей автопоэтической системы.

Литература

1. Варела, Ф. Автономность и аутопоэз: [пер. С. Цоколова] [Электронный ресурс] / Ф. Варела. – Режим доступа: <http://synergetic.ru/autopoiesis/autonomnost-iautopoez.html>.
2. Витакер, Р. Обзор основных понятий аутопоэзиса: [пер. Р. В. Червоткина] [Электронный ресурс] / Р. Витакер. – Режим доступа: <http://synergetic.ru/autopoiesis/obzor.html>.
3. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Том 1. Феноменология внутреннего сознания времени [Текст] / Э. Гуссерль. – М.: Гнозис, 1994. – 163 с.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
5. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории: [пер. с нем. И. Д. Газиева] [Текст] / Н. Луман. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 643 с.
6. Матурана, У. Древо познания: [пер. с англ. Ю. А. Данилова] [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
7. Москалев, И. Е. Концепция аутопоэзиса в современном научном познании [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. Е. Москалев. – М., 2002. – 35 с.
8. Aristotle. The Complete Works of Aristotle. Vol.1. Physics [Text] / Aristotle. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – 446 p.
9. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – NY: Basic Books, 1999. – 624 p.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition [Text]. – London: Macmillan Publishers Ltd, 2007. – 1750 p.
11. Maturana, Humberto R. The Organization of the Living: A Theory of the Living Organization [Text] / H. R. Maturana // International Journal of Man-Machine Studies. – Vol. 7 (1975). – P. 313 – 332.
12. Maturana, Humberto R. The Biology of Language [text] / H.R. Maturana // The Biology and Psychology of Language and Thought . – NY: Plenum Press, 1978. – P. 27 – 63.
13. Ricoeur, P. Time and Narrative [text] / P. Ricoeur. – Chicago: The University of Chicago Press, 1990. – 355 p.
14. Varela, Francisco J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience [Text] / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge: MA MIT Press, 1991. – 309 p.